

Андрей Калинин

~~GENERATION~~
I

Андрей Калинин

I (роман)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3850705

Аннотация

«I» – роман о поколении людей, чей день начинается с включения компьютера. О тех, у которых нет времени, иногда даже на свою собственную жизнь. О том, что нам всем очень сильно не хватает чего-то настоящего.

В процессе работы над романом, автор через социальные сети связался более чем со 150 людьми по всему миру, с просьбой рассказать короткую историю из жизни. В итоге были выбраны шесть рассказов из России, Аргентины, Косово, ЮАР, Австралии и Канады, отлично вписавшиеся в основное повествование и ставшие своеобразной исповедью поколения.

Содержание

Екатерина, 22, Москва, Россия	6
С чего начинается твой день?	11
ID	16
Generation Internet	20
Девочка с 1200 друзьями	30
Апокалипсис сегодня	40
Эбигейл, 18, Бэунос-Айрес, Аргентина	54
А5ика!	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Андрей Калинин

I

Всё, что вы только можете себе вообразить, где-то случается прямо сейчас. Я уверен, что прямо в этот момент где-то на свете на берегу океана сидит человек. Он смотрит, как бирюзовые волны степенно окатывают каменный берег, отступая и оставляя вместо себя тающую пену и думает, что ведь кто-то на Земле никогда не видел океан... А ещё где-то очень далеко сидит человек, который живёт в пустыне. И он, глядя на ясное ночное небо, думает, что ведь где-то есть люди, которые никогда не видели пустыни.

Где-то на Земле есть множество людей, которые никогда не видели тех вещей, с которыми мы сталкиваемся каждый день. Которые живут как-то по-другому. Некоторые из них молоды и в них бушует желание изменить мир. Другие постарше и перспектива спустить жизнь на тормозах уже не кажется им чем-то страшным. В любом случае, каждый из них уже знает, либо обязательно узнает в будущем одну тяжёлую вещь. Оказывается, в этом мире, таком ужасном и одновременно чудесном, все мысли уже сказаны, все самые горькие страдания уже были кем-то пережиты, и в общем, по большому счёту, никому из нас не дано создать что-то абсолютно новое...

И сейчас, когда перед каждым из горячих сердец на блю-

дечке выложена возможность узнавать эту печальную правду всё раньше, попытка сохранить неповторимость своей собственной истории станет главной борьбой для многих из них. Я желаю вам удачи.

Екатерина, 22, Москва, Россия

Когда мне было 5 лет, я пошла в детский садик. Знаю, что это слишком поздний возраст, но идею яслей мои родители не одобряли. Дело в том, что я единственный ребёнок в семье. Моя старшая сестра умерла в возрасте восьми месяцев, а два младших братика даже не дожили до выписки из родильного отделения. Поэтому мама и папа всегда оберегали и оберегают меня с особой тщательностью.

Так вот, в садик я идти не боялась. Хотя было немного неприятно, наверное, я слишком страдаю агорафобией, а в детстве ещё и аутизмом. Первое моё ощущение от кучи наваленных друг на друга игрушек и совмещённого со столовой туалета (их разделяла небольшая перегородка) – меня не впечатлило. Я уже было подумала слиться из этого поганенького местечка, насквозь пропахшего детьми, но – поздно, мама опередила меня и забрала пораньше.

В то время я ещё не представляла, в какой части вселенной расположен мой дом, и все расстояния казались мне одинаково огромными и недостижимыми, проще говоря, за каждым углом мне был уготован новый мир, напоминающий Страну Чудес. Первым человеком, привлёкшим моё внимание среди разнородной массы шумных товарищей, была девочка в голубом платьице. Она тихо сидела в углу и плакала, утирая слёзы маленькими кулачками. В тот момент

первым моим желанием было помочь ей: утешить, погладить по мягким, светлым волосам, обнять, вдохнуть её запахи, услышать её голос, разделить её боль. Мне, с моим благоприобретённым аутизмом, казалось, что её душа в чём-то похожа на мою. «Наверно, она и есть тот человек, который сможет меня понять» – вот были мысли, проносящиеся в моей юной голове.

Я подошла и стала утешать. Наверное, это выглядело забавно. Не помню. Но, видимо, её милое, залитое слезами личико вызвало взрыв эмоций в моей невинной душе – я тоже заплакала. С того момента мы стали друзьями. Друзьями на всю жизнь, так до сих пор и дружим. Пройдя сквозь многое, я стала понимать, что она действительно тот человек, способный хоть на самую малую долю понять мою душу.

Я стала лидером. Лидер-аутист, презирающий большинство – всех, кроме себя. Мои «террористические акты» до сих пор сняты в кошмарах бывшим одноклассникам и воспитателям. Например, ошпаренный мальчик (я вывалила ему на руки тарелку горячей перловки), избитые мальчишки, прыжки на кроватях в сон-час, частые побеги за пределы детского сада («уточек кормить»). По прошествии какого-то времени к нам присоединился ещё один человек – мальчик, навечно оставивший в моей душе образ ангела.

Худой, можно сказать, хрупкий, с большими голубыми глазами, искрящимися наивностью и нежностью, белые,

платиновые волосы, сияющие на солнце, врождённая бледность и острый нос, тонкие черты лица, скромный и милый – это всё о нём.

Мы очень хорошо дружили и пережили вместе несказанное количество счастливых минут. Но всё когда-нибудь кончается. Я ходила в детский садик 8 месяцев, дальше началась школа. Так мы и расстались... Дети не имеют привычки меняться номерами и адресами, родители наши не дружили, жили мы в разных районах - моя любовь заранее была обречена на провал. Я точно не знаю, можно ли назвать «любовью» детское отождествление реального человека с мифическим образом и последующую его идеализацию, но тогда мне казалось именно так. Мне казалось так целых 5 лет...

Я твёрдо знаю – в момент нашего прощания он тоже испытывал ко мне чувства, сходные с моими к нему. Не знаю, страдал ли он те пять лет, выскивая меня в городской толпе, ища мои черты в совсем незнакомых людях. Оставила ли я след в его душе? Узнать это мне не суждено. Тогда, после детского садика, я так хотела его увидеть, но, будучи реалистом, понимала, что это всего лишь глупые детские фантазии (в отличие от Страны Чудес Кэрролла – она точно существует!).

Так вот, мы встретились. Во втором классе я перешла в другую школу. До седьмого класса я не особенно интересовалась происходящим вокруг, и уж тем более параллель-

ными классами, но в двенадцать лет всё изменилось. Как-то, идя по коридору, я увидела свою «садииковскую любовь». Он стоял с другими парнями из параллельного класса и лучи прямого солнечного света озаряли его ангельские черты. Он ничуть не изменился. Я узнала его.

Подойти я долго не решалась. Но всё же, как-то выйдя на школьный двор и увидев его, не удержалась. Подошла и сказала: «Привет, ты случайно не Андрей Южаев?». Этот человек, бывший долгое время объектом моих неуверенных и стыдливых детских фантазий, поднял на меня свои мутноватые голубые глаза, начисто лишённые осмысленного выражения, и, выдыхая сигаретный дым (курил он без шика, очень дешёвые сигареты), сказал: «Ага. А ты, это, чё?»

Не люблю тупых. Не люблю показушников. Не люблю малолетнюю шпану, слишком помешанную на эселании во-брать в себя все пороки взрослого мира. Ненавижу рушащиеся храмы гордыни. Лучшие сразу смотреть на мир с перво-зданным хаосом в душе, чем строить упорядоченные пирамиды и смотреть на их разрушение. Камень за камешком они погребают твою душу, повергая её в руины.

Я ушла, сказав, что ошиблась. Вслед мне неслось: «Э-э-э! Погодь! Ты куда? Чё, ваще?!». Я завернула за угол и прижалась спиной к шершавой кирпичной кладке. Мне нужно было перевести дух и придти в себя. Храм гордыни рухнул!

Последним его словом в мой адрес было разочарованное: «Свалила!». На этом и кончилась моя история. Бредя домой

по свежему, осеннему парку, я тихо роняла слёзы...

С чего начинается твой день?

В древнейшем на Земле своде учений о жизни – Ведах люди делятся на четыре типа. Вовсе не по темпераменту, а по направлению деятельности разума. То есть, чем им нужно заниматься в жизни, чтобы быть счастливыми. Люди первого типа хотят производить простые блага цивилизации, без которых нам всем было бы тяжело выжить. Такие люди становятся рабочими, строителями, токарями, дворниками и нисколько не волнуются. Предложи такому человеку занять пост председателя крупного банка, повернуть аферу и взять себе дом в Испании, он скажет: что за бред? Кого-то, наоборот, тянет в бизнес. Эти люди – завхозы мира, призванные раздать остальным всё, что производится. Главное для них – это богатство и достаток. Третий тип – это воины и правители, защитники и управленцы. Полицейские, судьи, начальники, директора, генералы, президенты. И, наконец, люди четвёртого типа. Врачи, учителя, тренеры, священники, художники, музыканты и писатели. Весь смысл их жизни – лечить людям тело и душу, тащить их вверх на всех уровнях, нести миру гармонию.

Наверно, к четвёртому типу принадлежит и создатель Facebook'a Марк Цукерберг. Он хотел объединить людей, убрать границы общения и сделать нас ближе. Да, кроме того, он, возможно, хотел оставить след в истории, заработать

всемирную славу и миллионы долларов. Кто-то скажет: да как он мог думать об этом тогда, ещё студентом, одиноко строча по ночам код своего сайта? А как, вы думаете, это получается? То, что получается у таких людей. Оно происходит именно так. Их путь начинается именно тогда, одной оставшейся без фиксации и потерявшейся в истории ночью, в наполненной мечтами молодости.

Я думаю, Марк уже тогда хотел успеха. А может, эта мысль появилась у него потом, по ходу действия. Но внутреннее, главное инстинктивное желание, которое двигало им – это желание объединять людей. А без этого ничего бы не вышло. Гений он или нет, но у каждого человека, добившегося по-настоящему большого успеха, потребность в нём подкреплена внутренней философией. И уж конечно, он должен быть немного не в себе, как и показал нам фильм «Социальная сеть».

И Цукерберг добился успеха, чёрт возьми. Пока сподвижники развлекались на вечеринке, потягивая кокаин, Марк постил блог. И теперь в Facebook семьсот миллионов объединённых людей. Цукерберг – человек года по версии журнала «Тайм» в 2010 году. То есть он тот, кто в этот год наиболее повлиял на жизнь населения планеты Земля.

И это правда. Не знаю, как насчёт всех семисот миллионов зарегистрированных в этой социальной сети, но, думаю, половина от этого числа гипотетически наши друзья, друзья друзей, друзья друзей друзей... И если раньше утверждение

о том, что каждый житель этой планеты знаком друг с другом через третьих лиц, было просто забавным предположением, то теперь мы можем легко убедиться в его правоте с помощью функции «Общие друзья». Теперь мы можем сказать, как начинается день семисот (ладно, половины от них) миллионов жителей Земли. Он начинается так же, как мой день. И ваш.

Мой день начинается с нажатия кругленькой кнопки на ноутбуке. Важный вопрос. Вы включаете компьютер до того, как идёте в туалет, встав с постели, или после? Но вот он включился, компьютер. Ещё до того, как закипел чайник. Может быть, я слишком переносу своё частное на ваше общее и оно не находит отклика? Ладно. Быть может, ваша жена или другие сожители ещё спят, а компьютера в другой комнате нет. Или вам далеко ехать на работу и просто на самом деле нет времени на всю эту ерунду. Значит, ваш рабочий компьютер включается до того, как закипит чайник на работе.

Потом я жду, пока загрузится вся эта фигня в правом нижнем углу экрана, о назначении половины из которой я никакого понятия не имею. Стартовым выстрелом звучит протяжный «ввжззииить» загрузки Скайпа. Наконец-то. Если бы двести лет назад время так же навязчиво дробилось на секунды ожидания, люди бы просто поголовно вешались от депрессии. И вот момент запуска браузера. Иногда, пока какие-то детали неведомого механизма, открывающего передо

мною безграничный цифровой мир, тормозят, пока длятся эти невыносимо долгие пять-десять секунд загрузки страницы поисковика, я думаю: а чего же я жду? Нет, на этот раз без всякой метафизики, практически, что появится сейчас перед моими глазами? Листок бумаги? Белое прямоугольное пространство с расположенными на нём словами, маленькими картинками, движущимися или статичными, фотографиями людей. При нажатии на одни слова появляются другие. Слова, слова, которые ведут к миллионам других слов. Ко всем книгам, написанным когда-либо, к другим словам, не сложенным в книги, которых уже, наверное, больше, чем самих книг.

Или возникает звук твоей любимой музыки. Или на экране люди делают что-то. По статистике – да что уж там статистика, заглянув в часто темные глубины своего Я, мы знаем, что у большинства из нас люди на экране периодически занимаются сексом. Этот листок белого пространства – наш путь ко всему на свете. Марианская впадина людского сознания, где каждый может найти и спрятать любые скелеты, но также и истинно прекрасное.

Запускаю Яндекс. Пять новостей сверху. Пожалуй, одна-две меня стабильно интересуют. Но по роду деятельности приходится тыкать по всем. Хотя можно сделать это и на работе. Но тогда ты не сможешь въехать в разговор сразу же, как откроешь дверь своего кабинета. А ведь они уже говорят о чём-нибудь. О разливе нефти в Тихом океане. Или

о том, что петрушку объявили наркотиком. Или о задержании кого-то за взятку в семнадцать миллионов рублей. Затем мой взор опускается на раздел «Сегодня в блогах». Их я просмотрю позже. Вторым моим сайтом обычно бывает спортивный портал. Даже не могу сказать толком, почему. Раньше, несколько лет назад, я гораздо сильнее интересовался спортом, покупал ежедневную газету чуть ли не каждый день. Теперь тяга ослабла. Но я всё равно захожу сначала туда. Наверно, это такое полусознательное желание показать самому себе, что я не раб социальных сетей и могу оттянуть их посещение на какие-то минуты.

Ну а потом он самый. Родной, российский. Возможно, в будущем я и переключусь на Facebook, но пока в этом нет смысла, пока что мы все в Контакте. Какое шикарное название. И Павел Дуров тоже странный, Павел Дуров дзен-буддист. Внутренняя философия, я же говорил вам.

Все в соцсетях жалуется, что им никто не пишет. Хотя оно же как-то живёт, это общение ради общения. Кто-то его генерирует, затягивая всё новых и новых членов, жаждущих общения без границ, а потом разочаровывающихся в нём. Похоже на финансовую пирамиду из наших надежд быть кому-то нужными. Когда она лопнет?

ID

Меня зовут Егор Данилов, мне 25, я живу в центре самой большой страны на этом сине-зелёном шарике, в городе под названием Красноярск. Зарабатываю на жизнь тем, что пишу новости на региональном информационном портале. То есть я некоторым образом отношусь к IT-сфере. Конечно, я не разъезжаю на скейте по офису Facebook или Google, но когда ты постоянно общаешься с программистами и прочими IT-шниками, начинаешь чувствовать себя в теме. Но я вовсе не поэтому так вдохновенно рассуждаю об Интернете. Просто мой день начинается с включения компьютера, а это не зависит от деятельности, это состояние сознания. Ваш день начинается так же? Ставьте плюс один!

Да, я тут упомянул скейт. К сожалению, подобные вещи дарованы лишь избранным... В нашем офисе царит полная совдепия. До Сибири с Запада России прогресс в мозгах большинства людей доходит с опозданием лет в пять. Мы завистливо слушаем истории о том, как в московских представительствах иностранных компаний решают проблему упавших сайтов с тысячами посещений в секунду. Спокойно, без крика и истерик вычлняя ошибку, попутно не спеша куря. Такие случаи у нас – это самое весёлое время. Не дай Бог, программисты напутали что-то в коде и сайт слетел. Не приведи Господь, повис баннер. Начинается такая свистопляска,

как будто мы, по меньшей мере, находимся на Титанике и последние шлюпки готовятся к спуску на воду. Наш начальник, Степан Филиппович, вспоминает то славное время, когда он работал в милиции и с успехом колол бывалых рецидивистов.

Как-то раз на корпоративе он вспоминал молодость и душевно рассказывал о том, как, придя в милицию, поначалу поражался способности старожилов мгновенно переходить со страшнейшего десятиэтажного мата, принятого среди своих, на эталонный деловой язык, как только в кабинете появлялся посторонний гражданский. Этим приобретённым качеством Степан Филиппович в полной мере пользовался в процессе руководства нами. Разумеется, он не сразу после милиции попал в новости. Кривая дорога его жизни не раз заставляла путника заночевать в тёмном лесу, а поутру обрадоваться маячившей, оказывается, неподалёку деревне. Был он и токарем на заводе, и, как я уже сказал, силовиком, работал в коммерции, откуда неведомым путём и перебрался в журналистику. До того, как возглавить наш портал, входящий в местный медиа-холдинг, успел поработать директором телеканала. Так что босс вовсе не был засланным казачком, ничего не понимающим в теме. Природной смекалки и хватки ему было не занимать, поэтому все его решения всегда вписывались в тренд. Конечно, было бы неплохо, если бы шеф сменил стиль руководства... Но жёсткость, похоже, была одной из неизменных граней его природы, поэтому мы тер-

пели. Главное, что мужик он был неплохой. Это, как выясняется в итоге, всегда главное.

Я же занимал, как мне кажется, привилегированное положение среди пишущей братии – писал большие аналитические материалы на всевозможные темы. И часто благодарил небо за то, что не нужно строчить какую-нибудь новостную чушь о том, что где-то прорвало трубу, а где-то снова упал строительный кран. Всё-таки мне дарована свобода мысли, которую я старался выражать, не выходя за незримую грань корпоративной цензуры. Шефу мои статьи нравились, хотя он давал понять, что это дело не обязательное, которое, так сказать, можно отодвинуть на второй план. Всё-таки сейчас побеждает не тот формат, где «многобукаф». Но я знал, что задаю своими статьями некоторую глубину и эстетику, которую начальник всё же внутренне ценит. И поэтому никуда с этой работы не денусь, если не захочу.

Сегодня, чёрт возьми, счастливый день! Потому что завтра начинается мой тридцатидневный отпуск! Вы, офисные мои друзья, вы понимаете, какое это счастье – просто идти по улице в три часа дня каким-нибудь обычным четвергом? Когда вокруг ходят неведомо как свободные люди (откуда они вообще берутся?), а там, в затхлых помещениях со столами, креслами, шкафами и компьютерами, томятся живые существа и не имеют возможности насладиться солнцем, воздухом и царящей вокруг безмятежностью? Вы словили это состояние? Молодцы. В этот день я предвкушал свою сво-

боду, наслаждался её ожиданием, как лётчики в романтических историях наслаждаются новым полётом. Все завидовали мне. И моё настроение не могло омрачить даже то, что общая планёрка, проходящая у нас раз в неделю, выпала именно на сегодня.

Прошло как обычно. Продажники отчитались по продажам, айтишники по своим проблемам. Все получили в рог за то, что на прошлой неделе конкуренты обошли нас по посещаемости. Пара шуток была отпущена в мой адрес в связи с уходом на отдых. Начальник уже сказал привычное: «Ну всё, господа, идите работать!». Люди встали и направились работать. Всё подошло к счастливому финалу, как вдруг Степан Филиппович устремил свой грозный взор на меня и произнёс:

– Данилов, Бахулов, останьтесь.

Generation Internet

Шефу около сорока. Он весьма полноват, волосы с легкой сединой, небольшая залысина сзади. Чрезвычайно энергичен. И ещё он часто меня удивляет. Он напоминает мне Путина – яркий пример успешного управленца. Таковы, наверное, многие из них – министры, руководители банков, прочие топ-менеджеры и начальники помельче. Вроде бы интуитивно понятный человек. Человек одной колеи. Но в то же время, о чём его ни спроси, с первого взгляда не вписывающееся в логику его жизни – о прыжках ли с моста или Ктулху – он имеет на этот счёт своё мнение, его этим не удивишь, он об этом знает. Он как будто соединён с Википедией, тут же выдаст тебе поверхностный ответ. Может поговорить с тобой о каком угодно вопросе и перефилософствовать тебя – в беседе о переселении душ или всемирной истории, он покажет, что владеет темой. Отличие его от тебя в том, что ты увлечён этим, слишком серьёзно относишься к вопросу, ты однокорпус. И поэтому ты идиот. Если слишком серьёзно относиться к чему-то, на чём нельзя заработать денег – можно выпасть из реальности. Не надо этого делать. Ведь чтобы показать интеллект, нужно просто загрузить в голову как можно больше статей из Википедии, а там уже мозг выдаст этот материал за твоё собственное мнение.

Со мной остаётся Бахулов, мой лучший рабочий друг, че-

ловек, без которого было бы беспроглядно скучно трудиться здесь. Мы с Женей опять садимся на свои стулья. Директор смотрит на меня таким взглядом, как будто читает мои мысли. И даже об этой моей мысли он сейчас знает. Они все так смотрят. Наверняка, скажет пару напутственных слов насчёт моего отпуска.

– Егор, вот тебе задание на отпуск. – говорит он.

Бахулов расплывается в улыбке.

– Господин шеф. – говорю.

– Тихо! Не перетрудишься. – И переводит взгляд на Женю, тот зажимает улыбку в кулак.

– Скоро дата, – продолжает босс, – день рождения Интернета.

– Дата, – спрашиваю, – круглая?

– Не круглая. Неважно. – Он делает паузы. Как же он умеет делать эти паузы! – За отпуск напишешь большую статью. Ты у нас любишь это, поглубже, с философией, с драматургией.

– Это точно, – вставляет Женя.

– Напишешь о людях в Интернете. О том, что Интернет вошёл в наши жизни как.

– Лопата в говно, – говорит Бахулов.

– Помолчи, Бахулов! – мягко рывкает шеф, но улыбается, шутка ему понравилась.

– Ты меня понял? – спрашивает. Я киваю головой. Я очень хорошо понимаю всё интуитивно. – Выдели типичных пред-

ставителей среди этих жителей Интернета.

– Офисный планктон, – говорю.

– Нет. Офисный планктон – это слишком обще. Заройся в проблему, перейди на личности, вычлени яркие образы! Я не зря это тебе поручаю.

– Девочка со 1200 друзьями в Контакте, – помогает Женя.

– Почему девочка? Почему не мальчик? – спрашивает.

– Правильно, – говорю. – Девочка – это как-то органичней. У парней много друзей обычно, если они популярные, медийные личности, пусть и в местном масштабе. А к девочкам добавляются просто за красивую аватарку и они, если не сильно стервозны, не против тех, кто ведётся на их красоту. А что со всем этим хозяйством делать – в принципе не важно.

– Ладно, – соглашается директор, – дальше?

– Эээ, – я торможу, – плюс стопицот?

– Это ещё что такое?

– «+100500», Максим Голополосов, человек, взорвавший русский сегмент Ютуба. Делает обзоры на смешные видеоролики. Молодёжь в восторге, миллионы просмотров, – объясняет Бахулов. – Да. Возьми интервью у стопицот.

– Как же я его возьму? Он в Москве живёт.

– Как-как, – говорит шеф очевидную мысль, – по Интернету! На карандаш.

Ладно, думаю, у него, конечно, и без меня интервьюеров хватает, но почему бы не попытаться.

– Что ещё? – давит Филиппович.

Мы молчим. Он ждёт.

– Мисс Геймер! – выдыхает Бахулов.

Мы вопросительно смотрим на него.

– Девочка из нашего города выиграла московский конкурс, звание «Мисс Геймер России». Я по телеку видел недели две назад.

– Так. И какого хрена этого не было на нашем сайте? – бьёт кулаком по столу шеф.

Женя театрально вжимается в кресло.

– Виноват, шеф, запомятовал.

– Запомятовал. Пива долбануть после работы ты не запомятываешь.

– Ну, это святое.

– Тихо! – и уже мне. – Так. Возьмёшь интервью у этой мисс. Разложишь её по пикселям. Где живёт, чем дышит, сколько времени в Интернете проводит, личную драму в этом разрезе, понимаешь? Наверняка страшная? – спрашивает Бахулова.

– Да нет. Конфетка.

– Тем более. А мужика сто процентов нет. Если в геймерах просиживает. Ну, в общем, ты понял меня? Чтоб живо было, интересно. Открытый финал, так сказать, как ты любишь.

– А называться это всё будет. – мы устремляем взгляды на Женю, – Дженерейшен И! – говорит он.

– Бахулоов! – тянет шеф, сотрясая кулаком воздух. – Ты

гений!

– Да уж, – говорю.

– А знаете, что такое «Generation I»? – спрашивает директор. Он опирается руками на стол, мы инстинктивно наклоняемся к нему. Он наклоняется к нам. Он говорит: – Это Generation X и Generation II, у которых есть триста рублей в месяц на безлимитный Интернет. И они не могут сопротивляться этому.

Бахулов смеётся.

– Вы, – спрашиваю удивлённо, – Коупленда читали?

– А ты что думал?! Самый умный? – подмигивает он мне.

Я откидываюсь на спинку стула и смотрю в окно.

– У Дурова пусть возьмёт интервью, – подливает масла в огонь мой дружок.

– Он, – говорю, – вроде не даёт интервью.

– Перельман тоже не давал. А евреи взяли. Ко всем подход нужен.

– Так, антисемиты, – вмешивается начальник. – Это вы уже у себя разберётесь. Давайте, идите работать. Егор, жду шедевр! Generation I.

– Можете не сумлевать, чай, оно не в первый раз, – говорю, козыряя ладонью.

Босс усмехается. Выходим из цитадели в коридор.

День пролетел быстро. Хочется сказать, как и любой последний рабочий день перед отпуском, но это вряд ли так. Они разные, эти дни, получаются, – то в суете, то в расслаб-

лении на кресле. Бахулов всё накидывал мне сюжеты для этой статьи. Эта идея и самого меня очень зацепила.

И главное, какое название коллега придумал. Да, сгени- альничал Женя, для этого его директор и оставил вместе со мной, он может выдать. Действительно ведь – поколение Интернета. Generation I. Это даже не для статьи название – для целой книги. А что? Вот уеду я куда-нибудь, как Коупленд, и напишу книгу о своём поколении. Только у него было полто- ра года, а у меня месяц, маловато времени. Да и кто я такой? А с другой стороны, почему нет? А кто должен написать эту книгу? Программист какой-нибудь? Или менеджер Яндекса? И о чём она будет? О битве IT-компаний? Но ведь поколение – оно не на верхушке, оно рядом, во дворах, в автобусах и метро, оно в квартирах, прильнуло к мониторам компьюте- ров. Оно не имеет толком понятия о HTML, не знает, что стоит за этими тремя W, оно зачастую только максимум и умеет, что убирать прыщи в Фотошопе. Что уж тут полков- ник. Тут целое поколение, которому никто не пишет. Битвы IT-гигантов тут не так важны. То, что происходит, оно про- исходит в наших головах. И HTML-код – это просто след- ствие. Или наоборот – причина? Кто об этом расскажет луч- ше, чем я – рядовой представитель этого Легиона? Популяр- ный блоггер? Но у него нет на это времени. Ему нужно по- стить блог, иначе он перестанет быть популярным.

А каковы черты этого самого Поколения И? Наверное, не стоит брать всех подряд, надо вычленить ярких представи-

телей, как сказал директор. Пожалуй. Они ненавидят Интернет. Да. Они понимают, что могли бы использовать паутину с гораздо большей пользой, но не в силах справиться с искушением, поддаются всеобщему вирусу и занимаются всякой ерундой. И от этого агонизируют. Они ненавидят социальные сети, потому что просиживают там время, которое могли бы использовать на саморазвитие. Ну или хотя бы на живое общение. Сколько раз я читал сообщения на стенах или в личной переписке о том, что вся эта виртуальщина мешает жить по-настоящему. Сколько жалоб на проблему и какое бессилие её победить. Надо сравнить Интернет с эпидемией. В моей статье. Или книге. Только разница в том, что в случае с Интернетом не наступит тот момент, когда станет невыносимо больно, то есть когда русский человек идёт к врачу. Или наступит, но для единиц. А значит, болезнь будет медленно расправляться с тобой до самой смерти.

Как яростно звучит. Думали ли об этом люди, зародившие Интернет в самом начале – наверняка нет. О чём-то подобном должен был думать Цукерберг. О том, что семьсот (ладно, половина) миллионов людей будут начинать день с нажатия кнопки питания на ноутбуке, а потом просиживать часами, забывая про дела. И он будет в этом косвенно виноват. Это не следствие, это сама суть созданной им машины. Цукерберг наверняка понимает, что он не столько объединил людей, сколько склонил их к безвольному поощрению своих недостатков. Но таков вектор развития, таков был путь все-

мирной паутины. И кто-то должен был это сделать, несмотря на все минусы. Поэтому у Марка есть тысяча отговорок. Тот, кто даёт ребенку игрушку, не думает о том, что дитя будет потом шалить до полуночи. Или, в случае с Марком, думает, но пофигу.

Но надо вернуться ближе к жизни. Я – типичный представитель той группы, о которой выйдет великолепная статья. Или книга. Если уж я со всеми значимыми девушками в своей жизни познакомился виртуально. Да, вначале это был не Интернет – sms-ки. Но механизм в данном случае один – у тебя есть три минуты подумать, что ей ответить. Или самое главное – нет момента твоего смущения, когда тыходишь к ней и мелешь всякую чепуху, вроде: «Девушка, как пройти в библиотеку?».

Сейчас у многих явные проблемы со знакомством «в реале». И вместо того, чтобы решать эту проблему, они выискивают девушек среди друзей друзей и пихают их в закладки. И я так делаю. И оправдываю себя тем, что на самом деле так даже лучше, я ведь могу видеть их увлечения, интересы и сразу выбирать тех, с которыми вспыхнет искра. С Интернетом всегда так. Ты занимаешься там всякой ерундой, а способ оправдать себя всегда найдётся.

Пару раз в год я забиваю на социальные сети на некоторое время, проветриваю мозги. Чувствуешь себя при этом прекрасно, но тебя свербит ощущение, что жизнь проплывает мимо. Что ты обязательно пропустишь какой-нибудь кон-

церт, выставку или игру в покер. И как раньше люди узнавали о событиях? По телевизору? Я не смотрю телевизор. Мы не смотрим телевизор месяцами и гордимся этим, мы же Generation I! Или другое чувство – что все эти люди или некоторые из них за это время так наобщаются между собой, что их отношения перейдут на какой-то новый уровень, а ты отстанешь, как верблюд от каравана в пустыне. И так как постоянной девушки у меня нет уже довольно давно, в эти периоды Интернет– (вернее, соцсеть–) воздержания наступает воздержание и половое. Это ли не диагноз?!

И с последней девушкой я познакомился, не очень напрягаясь. Я написал: «Как говорится: девушка, можно с Вами познакомиться? Конечно, можно было придумать что-нибудь пооригинальней, но, видимо, я сегодня не в форме.». Она ответила: «Так наденьте её, обожаю мужчин в форме!». Далее недельный обмен остроумностями, встреча, прогулка, моя квартира, секс. У меня ни разу не было секса на первом свидании. Я говорю ей, лежа в постели: «С большинством девушек секс у меня был на втором свидании». Она говорит: «А у меня на первом». Дело в том, что до этой встречи мы случайно увиделись на остановке. Она вышла из автобуса с каким-то парнем. Сделала вид, что не узнала меня. И то свидание, когда мы переспали, она считала первым, а я вторым. Каждый остался при своём. Вот такие дела.

И предыдущие девушки, те, которые действительно много для меня значат, теперь уже как друзья (их две). С ними я

познакомился по sms. Несколько лет назад, когда у всех поголовно ещё не было сети, у нас в местной газете был sms-форум. Люди в течение недели слали sms-ки, а потом их печатали в оранжевых квадратиках на двух полосах. Sms о знакомстве, о том, что рок – это хорошо, а попса говно, стихи. Статусы – сейчас понятно, что это были статусы в Контакте или Твиттер. Твиттер был в нашей газете ещё несколько лет назад. Множество людей там перезнакомилось. Кстати, потом, по прошествии пары лет, все они сходились во мнении, что форум превратился в унылое говно. Видимо, это такая черта человечества по отношению ко всему на свете. Или скорее свойство всего на свете – превращаться со временем в говно.

Но я отвлёкся. Две девушки, с которыми я познакомился в этом sms-форуме, естественно, в разные промежутки времени. С ними у меня были потрясающие отношения. По крайней мере, так сейчас мне кажется. Настоящие, с юношеской романтикой, прогулками до утра, сумасбродными поступками, битвами на сосульках. Почему потом этого не было? Может быть, в этом тоже виноват Интернет? Или просто мы были юными?

Девочка с 1200 друзьями

Впрочем, я ушёл не туда. Мне нужно сделать заметки. Для начала – несколько фактов. Мне нужна история Интернета. Где её найти? Слава Богу, есть Интернет! Придя домой в первый свой свободный вечер из предстоящих трёх десятков, я с пивом и пиццей сел за компьютер. Однако в этом чёртовом Интернете, похоже, нет ни одного вменяемого сайта, складно рассказывающего о его истории. Даже в Википедии нет той осмысленности, которая мне нужна. Я перелопатил штук двадцать этих сайтов, но не нашёл ответов на семьдесят процентов своих вопросов. Надо будет ещё покопаться, но это потом. А пока вот что удалось найти.

Прежде всего следует разделять понятия Интернет и Всемирная паутина (как раз второе мы зачастую и считаем Интернетом). Термин «Интернет» – это сокращение от английского словосочетания «interconnected network», в непрямом переводе – глобальная компьютерная сеть. Если по-простому, то – сеть, объединяющая множество других компьютерных сетей и базирующаяся на общей системе адресов и единой системе так называемых протоколов, делающей возможным обмен информацией между этими сетями.

Интернет – это базовая структура, система связей разного рода программ и протоколов, которые позволяют передавать информацию. Интернет существовал задолго до появле-

ния Всемирной паутины. А Всемирная паутина (World Wide Web) – это, так сказать, надстройка над Интернетом, связанное с ним программное обеспечение, которое максимально упростило передачу и получение информации и сделало её доступной всем желающим.

Всё началось с того, что в 1962 году под эгидой Министерства обороны США была создана организация под названием «ARPA» (Advanced Research Projects Agency) – Правительственное агентство перспективных исследований. Вся каша была заварена прежде всего как ответ на запуск СССР первого спутника Земли в 1958 году. Целями ARPA было выявление и разработка прогрессивных технологий, применимых в военных целях.

Осенью 1967 года пишется первый черновик формального плана создания сети ARPANET, рождается и само название сети. В плане ARPANET описывается как экспериментальная сеть, при помощи которой должны быть отработаны принципы создания сверхнадёжных сетей передачи данных, столь интересных военным ведомствам эпохи холодной войны; второй целью создания ARPANET объявляется объединение научных институтов США.

Днём рождения ARPANET обычно считают 29 октября, когда был проведён первый пробный сеанс связи. Согласовывая все свои действия по телефону, сотрудник центра в Лос-Анджелесе вручную устанавливает соединение с компьютером в Станфорде и начинает вводить команду «Login».

После ввода буквы «G» система отказывает. Но уже вторая попытка приводит к успеху. В 1968 году вводится в эксплуатацию мощнейший суперкомпьютер того времени, ILLIAC IV, созданный компанией Burroughs по заказу Nasa. Вскоре его подключают к ARPANET. В этом и был главный механизм развития сети. Университеты, желающие получить доступ к использованию суперкомпьютеров, стали основным материалом, за счёт которого сеть росла в размерах. В 1973 ARPANET впервые выходит за пределы США – при помощи норвежского спутника NORSTAR к ней подключаются вычислительные центры в Норвегии и Англии. Однако одновременно в мире создаётся множество других сетей, а ARPANET, напротив, в последующие десять лет своего существования по ряду причин загибается.

В 1985 году судьба Интернета вновь меняется: американская контора под названием National Science Foundation (NSF) объявляет о создании пяти суперкомпьютерных центров, и к 1986 году для их объединения и обеспечения научному сообществу доступа к ресурсам суперкомпьютеров создается сеть NSFNET. В 1988 к NSFNET подключаются Дания, Финляндия, Франция, Исландия, Норвегия, Швеция и Канада, годом позже происходит подключение к Сети Австралии, ФРГ, Израиля, Японии, Мексики, Новой Зеландии и Великобритании.

Весной 1989 года число компьютеров в Интернете переваливает за 100 тыс., а в 1992 за один миллион. В 1990 го-

ду ARPANET, достигшая 20-летнего возраста, окончательно приказала долго жить. Правда, это не имеет уже никакого значения – к этому моменту её полностью заменила сеть NSFNET.

С этого момента начинается коммерциализация Интернета. Процесс формирования «правил игры» завершился в 1993 с появлением организации InterNIC, занимающейся в основном регистрацией доменов. Интернет к этому моменту использовался для обмена сообщениями электронной почты и работы с электронными архивами. И вообще, ещё задолго до этого 93-го года вся эта бодяга из кучи связанных между собой компьютеров, то есть Интернет, работала по разным принципам и всяческим протоколам, которые не пускали одних пользователей туда, а других сюда. Во всём этом можно было бы легко сломать голову, и не было бы у нас с вами сейчас такой замечательной жизни, если бы не человек по имени Тим Бёрнерс-Ли.

В 1989 году он пишет программу под названием World Wide Web (WWW). Программа позволяет связывать различные документы при помощи гиперссылок, что оказывается очень удобным для разнородных документов, используемых в научных проектах. А в январе 1991 года создан Протокол передачи гипертекста (английская аббревиатура – http). Другими словами, появилась возможность доступа частных пользователей к информации, хранимой на интернетовских серверах.

После этого было создано ещё множество всяких штукочин с названием из латинских букв, но главное уже свершилось. Интернет превратился из сети для специалистов в то, что мы сейчас имеем. В последующие несколько лет закружились каруселью браузеры, поисковики, мультимедиа, а потом и социальные сети.

Кстати, самый крупный «корневой» сервер Интернета расположен в штате Аризона и обслуживает более десяти с половиной миллионов доменных имён. И большая часть остальных таких серверов базируется в США.

Всё, я, наконец, отлипаю от монитора. От всех этих протоколов, HTML, http и прочего меня просто тошнит. Какая радость, что есть ребята, благодаря которым всё это работает, а тебе просто нужно пойти раз в месяц и скинуть рублей триста в платёжку.

Откусываю кусок пиццы. Думаю: а ведь есть и ребята, благодаря которым ты сейчас ешь. Может быть, так и стоит определять полезность или никчёмность своей жизни? Думает ли кто-то о твоём деле: «Как хорошо, что есть люди, которые делают это». Ведь наверняка никто не думает: «Как хорошо, что есть ребята, которые делают новостные сайты»?

Ну ладно, воду для статьи я нашёл, теперь остались персонажи. Не знаю насчёт Максима Голополосова – конечно, интервью с ним очень добавит статье вистов, но, похоже, он сейчас нарасхват. Да и вряд ли он скажет мне что-то гениальное и глубокое касательно проблемы. Попытаюсь выйти

на него потом, может быть – в конце концов, времени у меня месяц. А пока займёмся более близким вариантом, в котором можно покопаться. Мне нужна девочка с 1200 друзьями в Контакте. Почему Бахулов назвал именно эту цифру? Нет, она вовсе не вызывает у меня отторжения, напротив, очень подходящая цифра, очень органичная. Так и есть.

Что же можно сказать об этой девушке? Она красива, это безусловно. Не обязательно с задницей в стрингах на аватаре, напротив. Она не выказывает свои прелести, но она настолько притягательно-сексуальна, что даже не слишком рассчитывающий на свои силы неудачник не может сопротивляться и, видя её фотографию, надеясь на какое-то эфемерное продолжение знакомства, нажимает кнопку «Добавить в друзья». Красивые девушки часто отталкивают своей недоступностью, девушки до безумия восхитительные рожают веру в чудо того, что её можно покорить. Как в толпе твой взгляд миглом приковывается к такой, так и фотография в её профайле выделяется на общем фоне.

Характер у неё открытый, весёлый и беззаботный, возможно, с огоньком стервозности в качестве специи. Последнее даже обязательно. Жизненные устои – размытые. Успех, карьера, популярность, медийность. Но всё это как облако пыли, без конкретики, без надобности, а в будущем, скорее всего, без воплощения. Пока ещё эти стремления не порождают мыслей: а зачем мне все эти люди? А может, и порождают, но не ведут к действиям. Пусть будут, мало ли, как старые

лыжи на балконе – растапливать костёр в случае глобальной катастрофы, так и любой из этой тысячи друзей, может, пригодится. Не имей сто рублей, а имей... Миллион друзей? Думаю, в Интернете родилась какая-нибудь присказка по этому поводу, но я её не знаю.

Почти наверняка она занимается фотографией. По поводу всеобщего занятия фотографией в интернетах выплеснуто космических масштабов количество гневных мыслей. Моё мнение далеко не уходит. Значит, у девочки есть группа с её фотошедеврами. От скуки, как тараканы от грязи, заводятся Фэйсбук, Твиттер, Формспринг, всяческие фотографические сайты и т. п.

Сначала школа. Одноклассники, а также все девочки и мальчики, не желающие проходить стороной. Это, с учетом её обаяния, человек пятьсот. Затем картина повторяется в институте – плюс ещё несколько сотен. Добавляем тех, кто в восторге от художественного таланта нашей красавицы. А также всяких коллег по работе, знакомых и поклонников из реальной жизни и армию тех, кто захотел познакомиться в социальной сети. Итого: 1200.

Возможно, эта девушка действительно умна, восхитительна и талантлива и я буду лежать у её ног и ночами вчитываться в ответы на сайтах-вопросниках, чтобы хоть как-то прояснить для себя её загадочную натуру. Но, с другой стороны, всё может быть с точностью до наоборот, потому что 1200 виртуальных поклонников, если тебя одарила мать-природа,

найти не проблема. Вот дальше уже надо работать.

На часах 00:32 и такая девушка, имеющаяся в моих закладках, висит в он-лайне. Однажды моя подруга Маша сказала мне: «Не хотела бы я быть с тобой не знакома. Ты всё время кого-то находишь, добавляешь в закладки, изучаешь...». Да, с социальными сетями легко быть маньяком. Эта черта добавления кого-либо на карандаш во мне не столько от работы, сколько личное качество. Так что в моих закладках не только классные девицы, а вообще люди, которые в городе делают что-то интересное.

Аня, так зовут обладательницу 1200 (немногим больше) друзей, привлекла моё внимание всеми вышеперечисленными плюсами и минусами. Она – как бы проще сказать – была заметной. Красивая, яркая, обаятельная, весёлая, окружённая вниманием. Несколько раз видел её в клубе: высокая блондинка, худовата чуть более, чем нужно, но в общем милашка. В Интернете образ не отставал. Все вышеперечисленные сайты, плюс свой собственный, довольно симпатичный, но, по всей видимости, заброшенный. Фотографировала она неплохо. Но, разумеется, красивых баб. Так как я не ценитель фотоискусства, то на уровне фотографов соцсетей больших различий между хорошим снимком красивой бабы и плохим снимком красивой бабы не вижу. В общем, если ты фотограф-любитель и у тебя есть красивая модель, то твоё дело – не залажать. Так и определяется твой талант сегодня.

Что ещё сказать об Ане? Со смайликами она не жаднича-

ла. Каждый день ей на стену скидывали по тысяче песен и видео. Это я, разумеется, преувеличиваю, чтобы вы верно поймали суть. Каждый файл она одаривала хоть каким-нибудь, но комментарием, что говорит либо о жизненной активности и отличном гормональном фоне, либо о стоическом характере. Неважно. Она красивая и, хочется верить, интересная. Я хочу с ней познакомиться, встретиться и поговорить о нашем поколении Интернет-зависимых.

Пишу ей коротко о себе и цели своего виртуального визита. Говорю, что она широко известная личность в некоторых кругах и хотелось бы с ней поговорить. Наверно, я слишком резво нарисовал себе образ улыбчивой, всегда открытой и готовой идти на контакт девушки. Потому что прошедший минут через пять ответ меня удивил. Она написала: «ну, хахаха. забавно, можно, да...». Вот так, совсем без смайликов и восклицательных знаков. Я ощущаю внутри глупое состояние растерянности и раздражения. Хотя что произошло, дружище? Тебе ответили без смайлика? Но ты сам их недолюбливаешь. Ты был бы счастлив, если бы все общались без них. Юмор, наверное, вырос бы в цене. Но почему-то в голову упорно лезет избитое словосочетание «сучка крашенная!». Такие уж времена: если человек прислал тебе сообщения без смайлика, сразу же возникает чувство, что тебе только что нахамили. Ладно, поддержим деловой тон.

Предлагаю встретиться на выходных, отвечает, что уже занята, а в будние дни работает до шести и не может. И спра-

шивает: обязательно ли встречаться? Можно и по Интернету. Да, такого я не ожидал. Что с ней? Думает, что я к ней подкатываю или просто устала? Внешнее впечатление обманчиво и она вовсе не так мила и открыта, как казалось? Или это ПМС? Странно. Ну да ладно. Пишу, что обязательно нужно вживую встретиться и предлагаю списаться ближе к следующим выходным. Отвечает, мол, договорились.

Что ж, в конце концов, мало ли девушек с тысячей друзей? Подожду неделю, а там посмотрим. Терять время, конечно, не нужно, тем более пока есть вдохновение, кто знает, что случится завтра, а ведь у меня отпуск! Я совсем забыл об этом...

Апокалипсис сегодня

У нас в городе есть потрясающее место. Не будь его, из Красноярска стоило бы уезжать с вероятностью, близкой к ста процентам. Называется оно – остров Татышев.

Вообще, если кто не в курсе, город наш стоит на реке Енисей, делящей его пополам. Левый берег – это исторический, культурный и деловой центр. Здесь симпатично, есть куда сходить, несметное количество фонтанов, и можно безбоязненно гулять по ночам. Правый берег – это детище советского периода, одна из самых длинных улиц России с одним из самых длинных названий – проспект имени Газеты «Красноярский рабочий», заводы, спальные районы, гетто, опасность для вас попасть на десять рублей и сотовый телефон.

Впрочем, с фонтанами и там всё хорошо.

В черте города на Енисее несколько островов. Остров Отдыха с тридцатитысячным футбольным стадионом и дворцом спорта имени Ивана Ярыгина, где выступают заезжие звёзды, навряд ли вышедших в тираж «Скорпов», уже несколько лет как перестаёт оправдывать своё название.

Настоящий остров отдыха – это остров Татышев. Когда-то, не так уж давно, это был просто огромный кусок земли, поросший бурьяном. Стараниями стремившихся туда людей, а позднее мэрии, остров преобразился. В итоге посреди миллионного города расположился просто невероят-

ных размеров парк с зелёной зоной, пляжем, велосипедными дорожками, игровыми и спортивными площадками. Место, где каждые выходные, да и будние дни, тысячи людей гуляют, катаются на велосипедах, роликах, играют в волейбол, лапту и фрисби, загорают, читают книги, медитируют, жгут вечером костры, хотя это запрещено, наверняка занимаются сексом, обсуждают мировые проблемы и думают о жизни. В этом и есть главная прелесть этого места. Отнюдь не в благих цивилизации, которые, если продолжат расти, превысят необходимый предел, а в энергетике. Пешеходный мостик, по которому можно войти в этот зелёный летом рай, каждый день ощущает шаги тысяч людей, которых привлекает что-то незримое. Тут не просто красиво, тут в воздухе висит ощущение приятной невесомости.

Здесь случалось много историй. Здесь незаконно моют машины в Енисее, здесь кончали жизнь самоубийством люди, вешаясь на дереве. Тут действует железное правило: во сколько бы ты ни уходил с острова (в два, три часа ночи, пять утра), ты обязательно встретишь людей, которые идут тебе навстречу. Идут по каким-то своим причинам, может быть, веселиться, а может, побыть в одиночестве. Это то место, куда ты идёшь, когда что-то не так, или наоборот, когда всё так хорошо, как и представить было невозможно.

Есть мнение, что скоро остров утратит свою прелесть, потому что количество людей, что выбирают сюда по вечерам, особенно в выходные, уже начинает превышать допу-

стимые пределы для понятия «природа». Аутентичность и первозданность тоже теряются. Всё больше асфальта с разметкой (а это уже правила), какие-то служебные постройки, смысл которых обывателю не ясен, но наверняка состоит в том, чтобы легче было обеспечить отдыхающим комфорт. Грабли всё те же. Сначала людям нужно раздербанить пол-планеты, чтобы обеспечить себе комфорт, а потом начать поиски первозданных мест, где легко слиться с матерью-природой. Но постепенно возникает желание добавить чуточку комфорта и туда – и опять всё по новой.

Но пока чиновники ещё балансируют на натянутом канате золотой середины. Однако некоторым велосипедистам и роллерам всё меньше нравится лавировать друг меж другом. Но я к ним не отношусь. Я это обожаю. Наверно, это что-то космическое. Я очень люблю толпу. Впечатления от одного из Дней города навсегда останутся в моей памяти. Он у нас летом, в июне, мы с тогдашней моей девушкой пришли в центр посмотреть фейерверк. Времени было почти полночь, салют был очень красив, под какую-то волшебную музыку, доносившуюся из уличных динамиков. А потом начался Армагеддон. Музыка стихла, последние искры разноцветных огней упали в Енисей и в одну секунду тысячи людей на набережной, на мосту, на центральной площади, расположенной тут же неподалёку, поняли, что праздник кончился и пора домой. Причём срочно, потому что скоро перестанут ходить автобусы.

Нам с подружкой нужно было перебраться на другую сторону дороги через небольшой мостик. Так же, как и сотням других людей на этой и той стороне сооружения. Мы взялись за руки и влились в людской поток. Все что-то кричали, звали друзей, многие, естественно, были пьяны. Ступеньки небольшой лестницы, ведущей на виадук, были покрыты слоем пивных бутылок, в которые ноги чуть ли не проваливались, как в снег. Внизу, под нами, те, кто решил выбрать путь попроще, двинулись сплошным потоком прямо через дорогу, перегородив её. Десятки автобусов, меж которых проплывали люди, застревали в этой человеческой гуще и образовывали какофонию из сигналов, мата своих пассажиров и физически ощущаемых потоков энергии. Эти мгновения для меня были словно кадры из фильмов. Моя девушка высказывала мнение, как это всё ужасно и даже страшно. А я пребывал в каком-то абсолютно потустороннем состоянии, впитывая восхищённым взглядом всё это бурлящее окружающее пространство. Я даже думаю, что так надо определять дело своей жизни. Осознавать, от чего ты получаешь катарсис, и проецировать это на какую-то деятельность.

Через пару лет, наткнувшись на журнальную статью про китайского художника Ай Вэйвэя, который сделал инсталляцию, просто рассыпав на полу огромного зала галереи сто тысяч керамических семечек, изготовленных вручную, и привёз на ту же выставку тысячу своих соотечественников, которые ходили везде, вызывая недоумение окружающих,

что, собственно, было перфомансом, я понял, что вот он – мой любимый деятель современного искусства. Всмотриваясь в фотографии семян подсолнечника, ровным десятисантиметровым слоем накрывших несколько десятков квадратных метров пола выставочного зала, я ловил те же бессознательные космические флюиды, что и тогда, посреди людского моря.

Примерно то же самое я чувствую, объезжая на скорости многочисленных участников вело-роллерного движения или пешеходов. Это мне нравится куда больше, чем катание в пустынных местах. А вот время для кайфа от безлюдья на острове Татышев – это ночь. Прошлым летом я попытался воплотить свою давнюю мечту - что-то вроде клуба страшных историй. Любовь к ночным посиделкам у костра за травлей пугающих баек – это у меня ещё со школьно-студенческих времён. Осуществить задуманное до конца так и не вышло, посидели мы всего пару раз, своей стандартной компанией, без привлечения незнакомцев, что по плану задумывалось. Но удовольствие, тем не менее, получили. Есть тут одно местечко на берегу Енисея. Там уютно, всегда хватает дров, хотя жечь костры тут и запрещено, зловеще скрипят работающие всю ночь неподалеку баржи, а городские огни на противоположном берегу не дают мистическим мыслям нагнать панику на особо впечатлительных. Ведь смысл на самом деле не в страхе, а в общении, пусть и сдобренном адреналином.

Один раз, после посиделок здесь, мы с друзьями заблу-

дились. Это был не запланированный заворот сюда, а спонтанный, после игры во фрисби, ещё до клуба страшных историй. Посидев часов до двух у костра, мы двинулись домой. Нас было трое, в роли Сусанина выступил я. Объявив, что чётко знаю нужное направление и твёрдо уверенный в том, что выведу своих спутников к пешеходному мосту, ведущему прямо в центр города, я и слушать не собирался их неуверенные заявления о том, что, возможно, мы движемся не туда. Я помнил примерное сплетение гравийных дорог и тропинок, и даже когда время, проведённое в пути, заставило усомниться в собственной правоте, мое мужское эго не позволило сознаться в надвигающемся провале. Шли мы уже минут пятнадцать, хотя по внутренним часам двух третей этого срока было вполне достаточно, чтобы выбраться на асфальт и зашагать к таким желанным в тот момент светлым городским улицам. Но время тикало, а мы всё шли и шли. А ещё, знаете, иногда бывают такие моменты в жизни, когда типичная атмосфера мистического триллера вдруг опускается в окружающую реальность. Мы двигались по узкой колее дикой песочно-земляной дороги, с единственным источником света – тлеющей на конце палкой, вынутой из костра. На растущие вокруг деревья – невысокие, облезлые и кривые – опустился зловещий туман. Он стелился по земле, не давая нам даже попытки разглядеть возможное направление движения, хотя это и так было бессмысленно в кромешной ночной темноте.

Постепенно мы начали нервничать. Мозг принялся подкидывать сюжеты о временных тоннелях и прочих вещах из дешёвых мистических журналов. Шутки шутками, но скоро в это можно было вполне начать верить. Ведь остров не такой уж большой, чтобы в течение двадцати пяти минут, которые мы уже точно были в пути, не наткнуться на асфальтовую дорожку, кромку Енисея, если уж совсем неверным путём мы шли, или хотя бы мерцающий вдалеке фонарь, за который можно было бы уцепиться взглядом, как за путеводную звезду. Но ничего из этого вокруг не было. Через несколько минут мы вышли к небольшому оврагу. Я внутренне чертыхался, потому что в этом месте, чёрт возьми, не был ни разу в жизни и даже не могу представить, где оно может находиться! А ведь остров я, в принципе, знаю. И вовсе он, а вернее, та его часть, где мы находимся, не огромная, чтобы преподносить такие явные сюрпризы. Разгоняя тишину нервными шуточками, мы начали спускаться в овраг. Лесная чаща, кстати, к тому моменту миновала, уступив место одиночным своим представителям, всё так же окутанным туманом. И сейчас, по идее, если за оврагом нам не откроется вид прямого пустого пространства, готового дать ответ на вопрос о нашем местонахождении, это будет уже совсем печально. В достигшей точки кипения надежде мы вышли из оврага и увидели. огни торгового центра. Огромная оранжевая надпись «Июнь», окруженная ярким светом фонарей, сверкала на том берегу города Красноярска, который именуется ле-

вым. Мы разразились смехом. Все это время мы шли в направлении, противоположном тому, на которое я рассчитывал! Мы уперлись чёрте куда, очень далеко на самом деле. Я понять не мог, каким образом тут оказались. Как мы зарулили в прямо противоположный конец острова!

Через поле мы вышли на асфальтовую дорожку. Пилить до пешеходного мостика теперь было совсем прилично, те же минут двадцать пять, что блуждали во тьме. Долго мне потом припоминали эту историю. Я же позиций не сдавал, ссылаясь на пространственно-временной тоннель.

Помимо пешеходного мостика, на остров ведёт один из автомобильных мостов через Енисей, поэтому сюда удобно доехать на автобусе. Я выхожу на остановке и вижу привычную взору картину: пункты проката велосипедов, снующие туда-сюда, кто пешком, кто на роликах или велике люди. Нахожу глазами своего друга Дениса. Он в чёрных джинсах, кедах, каком-то винтажном сером пиджаке и с недельной щетиной. Подхожу и говорю, что он вылитый бомж-миллионер Киану Ривз. Не хватает только скамейки, кофе и папарацци.

Мы ждём Машу и Рому. Мои друзья – как герои книг тех писателей, что любят выпить, обладают ярким чувством юмора и после смерти останавливаются на той ступеньке признания и славы, которая мостится где-то между званиями «непризнанный гений» и «великий писатель современности». Сэлинджер, Воннегут, Коупленд, Довлатов. Их персонажей любишь, их чувствуешь и сопереживаешь, но пони-

маешь, что это удел небольшого круга. Потому что нынешнее время – это гонка за успехом. А успех не признает любви к милым неудачникам. Хотя всегда есть исключения, к счастью.

Я очень люблю своих друзей. Маша является в зелёных джинсах и с рюкзаком. Она очень красивая и милая до невозможного. Моя бывшая девушка, с которой я сохранил дружбу, потому что мы не могли её не сохранить. Она, пожалуй, мой самый дорогой человек, любовь к которому из страсти перетекла в ту самую абсолютную, безэгоистичную, просто как к человеку, которую некоторые люди и называют настоящей. Так что теперь мы друзья.

Рома высокий и худой. Он корреспондент в Красноярской епархиальной газете «Православный диалог». Как-то я спрашиваю его в Контакте, чем отличаются понятия «святой» и «пресвятой»? Следующим сообщением я зову его на вечеринку «Садо-диско» в одном из наших клубов, где все девочки разоденутся как шлюхи, а алкоголь и разврат будут литься рекой. Мне нравится его юмор, над его шутками я смеюсь как ненормальный.

Мы в самом центре острова. Где-то далеко тот самый пешеходный мост, в сторону которого мы направляемся. Позади половина острова, которая по-прежнему остаётся необжитой, с гравийными и земляными дорогами, с ещё одним небольшим мостом, недостроенным или разрушенным, до которого, словно до древнего артефакта, мечтают доехать ве-

лосипедисты, у которых в распоряжении есть всего час проката. Мы идём меж велосипедов и людей, впереди – дорожки с хорошим асфальтом, уходящие вдаль, а по обе стороны от них – огромные зелёные поляны, где разместились отдыхающие.

Решаем направиться налево, к трём одиноким деревьям вдалеке – симпатичное и почему-то свободное место. Свободное – это в том смысле, что в радиусе пятидесяти метров никого нет, разве что суслики, порой вылезаящие из своих нор и устремляющие морды к небу, а потом осматривающиеся вокруг, как пограничники.

У нас есть еда, вода, летающая тарелка и тёплая, хотя слегка облачная и ветреная, погода. Маша в последнее время противится всякой физической активности, она устраивается рисовать. Мы мужской компанией пытаемся наладить надёжные поставки фрисби в руки друг друга, но при ветре, постепенно набирающем силу, это становится проблематично.

Мы перекусываем, фотографируемся. Кто тот человек, которому в голову пришла гениальная фраза: «Сейчас всё на свете должно заканчиваться фотографией»? Как он прав! Хотя наверняка её придумали несколько людей одновременно, великие открытия часто случаются именно так. Я надеваю пиджак Дениса, солнцезащитные очки и становлюсь таким красавчиком, что сам от себя в восторге. Маша делает шикарные чёрно-белые фотографии на «мыльницу», се-

годня вечером я сменю аватарку, это факт. Смешно, что мы теперь во время любого действия, заполучив классный снимок, начинаем испытывать ноющее желание поскорей добраться до дома, залезть в Интернет и обновить эту чёртову аватарку. Люди увидят, как прекрасна наша жизнь. Как здорово.

Метрах в ста от нас человек двадцать играют в лапту. Я бы тоже с удовольствием поиграл, последний раз делал это лет восемь назад в школе. Помню фразу физрука, когда я по какому-то случайному стечению обстоятельств остался бить последним в команде. Он сказал: «А, Данилова оставили? Ну он попадает... » В том смысле, что я попадаю по мячу.

Ветер усиливается, теперь это не просто лёгкие порывы, а шквал несущегося в нашу сторону воздуха. Кроме того, он обретает серый цвет за счёт дыма, там вдалеке на острове что-то горит. Серый гриб возвышается над верхушками деревьев. От затянувшей почти весь остров лёгкой дымки и туч, покрывших небо, всё окружающее пространство наполняется блеклыми, как на чёрно-белых фотографиях, оттенками. Шум ветра, бегающие вдалеке люди дополняют эту внезапно родившуюся постапокалиптическую картину.

Недалеко от нас человек запускает воздушного змея. Кусок материи высоко в небе бешено извивается под потоками ветра, рвёт своего хозяина с места. Он отчаянно сопротивляется нашедшей рычаг опоры стихии. Еле удерживая верёвку и пытаясь выправить змея, на пустом поле, затянутом

дымом, он напоминает пушинку, готовую сорваться и полететь неведомо куда. В этой картине так явственно ощущается наше бессилие и преклонение перед природой, что я наблюдаю в молчании и восхищении. Я вспоминаю метель – то, что очень люблю зимой. Когда погода не холодная, падает мягкий крупный снег, и вдруг поднимается страшный ветер. Он несёт снежинки вихрем, создавая тот здоровый хаос, которого нам порой так отчаянно не хватает в жизни. А ты идёшь вперёд сквозь это всё, и такое ощущение, что вы два существа, которые остались в мире – Ты и Природа. Такие разные по устройству и мощи. И больше никого и ничего нет: ни людей, ни домов, ни политики, ни денег, ни глупых шоу. Только вы вдвоём. А сейчас вы сошлись в лёгком бою, как старые друзья, которые в шутку борются на руках. И ты даже побеждаешь, преодолевая ветер, каждым из своих шагов, отчего внутри всё бушует от ликования. Но она, конечно же, поддаётся. И это так приятно.

Мои друзья весело носятся вокруг, что-то крича про конец света и снимая это на видео. Остров пустеет, уже исчезли игроки в лапту, опустела асфальтовая площадка, где тренируются начинающие роллеры, люди бегут от дыма и, по всей видимости, надвигающегося дождя. Мы тоже уходим, к тому же где-то в начале острова – наши знакомые, мы созваниваемся и решаем идти по дорожке навстречу друг другу. На этот раз Маша надевает серый пиджак Дениса, внезапно обретший невероятную популярность, и становится дико по-

хожей на бомжа. Она в своих зелёных штанах и с каким-то нелепым пакетом в руке – вылитый сумасшедший бомж из американского фильма. Мы все загибаемся от смеха. Маша кричит Денису: «давай, моя лошадка». Она забирается на него и мы прёмся гурьбой по дороге. Я жую банан, Рома снимает этих придурков на видео. Мы нелепые, глупые, смешные и невероятно потрясающие люди. И нам там хорошо.

Я постоянно принимаю звонки от группы номер два, состоящей из нашей подруги Олеси, её парня и ещё одной девушки. Олеся – это яркий пример девичьего пространственного кретинизма, который уже невозможно воспринимать всерьёз. Она постоянно путает улицы и приходит не туда, куда договаривались. Она спрашивает: там на развилке куда идти, вправо или влево? Я говорю, что налево. «А мы не разминёмся?» – говорит. Отвечаю: «Если ты в очередной раз не учудишь, не разминёмся».

Нас встречает Очень Странное Дерево. Наверняка каждый, кто бывал здесь, хоть раз удивлялся этому Очень Странному Дереву. Массивный его ствол к основанию расходится на три части, образуя что-то вроде домика. Маша залезает туда, находит какую-то плоскую круглую штуковину, напоминающую крышку от люка, прикрывается ей как дверью и объявляет, что мы будем ждать их здесь.

Я говорю эти обстоятельства в телефон и слышу, как Вика, Олесина подруга, взяв трубку, передаёт своим: «Маша села в дерево и отказывается идти дальше». Они смеются.

Через несколько минут они подходят, мы все здороваемся и обнимаемся. Олеся в своей экспрессивной манере кричит: – Маша! Ты похожа на бомжа! Тебе ещё нужен плакат со словами «Конец близок» или «Люди, опомнитесь»!

Тут же находится чёрный маркер, а та круглая штука-люк становится полотном. Олеся достаёт покрывало, которое они взяли, чтобы сидеть на траве. Им мы оборачиваем Машу, завершая её образ. Черноволосая красивая девушка в зелёных штанах, обёрнутая тканью, сидит в дереве с плакатом «Люди, опомнитесь!». Позади неё полыхает в огне сухая трава, над которой стелется чёрный дым, ветер развеивает её волосы.

Мы покатываемся со смеху.

– Надо поклоняться ей, она оракул! – восклицает Олеся.

Я снимаю на телефон, как Маша стоит на асфальте, а вокруг неё на коленях и в полуприсяде, возвышая руки к небу, громоздятся люди. Проезжающие мимо велосипедисты с недоумением пялятся на нас. Маша протягивает к ним руки в безмолвной просьбе «опомнитесь»...

Если всё на свете заканчивается фотографией, то конечная судьба любого видео – это Ютуб. Быть может, когда-нибудь мы порадуем жителей Земли всей этой вакханалией.

А пока мы поспешным шагом направляемся с острова, уже очень холодно, дует сильный ветер и идёт дождь. Мы кутаемся в кофты, куртки и пиджаки. Денис бежит вперёд и фотографирует нас всех, шагающих по мосту. Красивый получается снимок. Это был очень счастливый день.

Эбигейл, 18, Бэунос-Айрес, Аргентина

Привет, Мир! Так странно, что ты можешь сказать «привет» куче людей, которых даже не видишь. Так странно, что они что-то подумают о тебе, а ты этого никогда не узнаешь.

Меня зовут Эби, я из Аргентины, живу в прекрасном городе Буэнос-Айресе с родителями, братом и моей любимой собакой по кличке Чиче. Что рассказать про себя? Сейчас я учусь действовать... Но обо всём по порядку. В прошлом году я закончила школу. В целом это было здорово, хотя я и ненавидела учиться, даже несмотря на то, что получала хорошие оценки. Когда-то я мечтала стать киноактрисой, плюс я очень люблю музыку, она необходима мне каждый день, как воздух. Когда я была совсем маленьким ребёнком, отец играл на аккордеоне и просил меня танцевать в такт музыке. Теперь мне кажется, что это был первый признак того, что музыка будет так много для меня значить. А когда мне было пять, и папа приходил с работы, мы с ним плясали под рок-н-ролл по три часа! Родители говорят, что я делала это с такой дикой страстью... Вот вам ещё один плюсики.

Лет в десять я заимела собственный вкус к музыке, внеш-

ний вид, все эти подростковые дела... Ну вы понимаете. И тогда же я впервые по-настоящему запела во весь голос. Это было так любопытно и спонтанно. Был вечер, мы сидели на крыше с двоюродным братом, и вдруг я запела песню, которой тогда была одержима. И когда я закончила, то осознала, что хочу быть певицей! Это было так потрясающе, как будто вдруг открылась неведомая дверь, которая всегда была заперта. В ту ночь я так и не заснула.

Потом я начала писать. Это был такой вид терапии для меня. Записывала свои мысли и чувства, везде, в любое время. Чем я только не занималась. Я придумывала одежду для собак и кошек. Изобретала даже собственные рецепты еды... Что только не творилось в моей голове.

После того, как в двенадцать побывала на концерте U2, мне совсем сорвало голову... Я скупала диски, выклянчила у родителей акустическую гитару, которую потом не брала в руки года три. Ходила на уроки пения, на фортепиано... Правда, с этим не повезло. Вернее, больше не повезло моей преподавательнице, чем мне, -она умерла от рака через три месяца. С того момента я пообещала себе быть усердной и весьма преуспела, научилась импровизировать... А потом мне стало скучно. И я кинулась в языки, в английский, если быть точной. Я не знала, что делать, не могла определиться, кем мне быть, не хотела поступать в университет. Одно время даже решила стать стюардессой, ведь когда мне было пять-шесть, приходилось много путешество-

вать на самолёте. Но, поизучав это дело месяца четыре, поняла, что это не моё призвание... Ещё я хотела и хочу быть художником. Столько всего... Как в песне U2 – "I still haven't found what I'm looking for" – «Я до сих пор не нашла то, что ищу...». Но я учусь. Учусь действовать, учусь, чтобы из всего этого водоворота путей найти то, что действительно моё...

Наверно, это всё банально. Наверно, вы скажете, что это типичные мысли типичной наивной восемнадцатилетней девушки, нафантазировавшей себе невесть что. Так пусть я буду для вас голосом всех наивных восемнадцатилетних девушек мира. Ведь это мне выпала удача рассказать свою историю. А значит, она уже не совсем типична... Пока тебе, Мир.

А5ика!

А потом настал день встречи с Мисс Геймер. Непонятно, почему тогда на планёрке я сам не вспомнил о ней. Ведь о том, что девушку из нашего города признали самой красивой из тех, что любят порубиться в видеоигры, я слышал и до этого. Вот так всегда в жизни – узнаешь кого-то и не подумаешь, что судьба уготовила вам обоим какую-то роль в жизни друг друга. А сейчас Вселенной проще сводить людей. Теперь не надо делать кучу манипуляций, чтобы заставить двоих прийти в одно и то же кафе или на одну вечеринку. Теперь просто достаточно, чтобы один наткнулся на другого в социальной сети и добавил в закладки.

Вот так и получилось со мной и Юлей Власовой, так её зовут. Уж и не помню, каким образом наткнулся на неё несколько недель назад, аккуратно в те дни, когда она билась в Москве за победу в конкурсе. Не заметить её было трудно, учитывая огромное количество фотографий Юли в сорочках, трусиках и лифчиках, садо-мазо латексных костюмах, ютившихся в её альбомах. А на внешность она действительно была, как сказал Бахулов, конфетка. Вся эта содомия радовала глаз и творилась не только потому, что Юля была красивой девочкой, любящей посверкать, как сама она выражалась, «сиськами-письками». Всё говорило о том, что она имеет чёткое видение своей тактики и стратегии по покор-

нию этого мира, а также весьма недурна интеллектом.

Первое, что бросилось в глаза, это количество друзей за пять тысяч, – такое у провинциального деятеля чего бы то ни было я увидел впервые. Голыми сиськами-письками этого не собрать. Слово «голыми» употреблено в данном случае в переносном смысле, потому что как раз полной обнажёнки или хотя бы топless у Юли не было. Её успех был совокупностью не только недотраха у огромной армии компьютерных задротов, делившихся на почитателей и троллей, а также попросту того, что Аска, – такой у неё был ник, – была умна, обаятельна, открыта и, как говорится, рубила фишку. То есть не просто знала, что нужно народу и шла у него на поводу, а сама естественным образом несла это – что, собственно, и есть талант. Мозги, слова и убеждения у неё были мужские. Некоторые фанаты этого не понимали и взывали к человечности на сайтах-вопросниках: «Ты действительная такая бесчувственная, какой пытаешься казаться?». Мисс Геймер не оставляла шансов ответами в духе: «Я сама ночь».

Кроме личного профайла у Юли была страница её медийного эго – А5uKa. Тут с подписчиками похуже, чуть больше двухсот пятидесяти. Должно быть, вот они – истинные фанаты. Страница вещала нам, что А5uKa – Задрот, Киберспортсмен, Додзин, Аниматор, Фрик, Go-Go, Актёр, Фотомодель, Коллекционер продевайсов, Косплеер, Роллер, Покерист, Ведущий, Яркий промоутер, Создатель образов, Креатор, Перформансист, Дизайнер сценических костюмов,

Специалист по делам молодежи (киберспорт), Организатор мероприятий, Гитарист, Ситарист, Будущий мотодрайвер.

Так как надо готовиться ко встрече со звездой, из нескольких интервью геймерским изданиям, ссылки на которые были тут же, я узнал, что свой путь к славе она начала, придя восемь лет назад в компьютерный клуб. В ней обнаружились организаторские навыки и завертелось – команды, поездки, турниры... Затем деятельность повернула в направлении сисек-писек. Ну, в общем, информация у меня была вполне исчерпывающая. Так что, не откладывая дело в долгий ящик, я отправил ей сообщение с просьбой об интервью. Она написала свой сотовый и попросила звонить-писать, как буду свободен и в центре.

Через пару дней я шёл по улице в оговорённую кофейню, было четыре часа дня, погода стояла тёплая и приятная. Не то чтобы я хорошо подготовился к интервью, вопросов придумал штуки четыре, не больше. Просто я примерно представлял, что должна мне сказать Аска, что должно быть в моей статье. Итак, она много времени проводит в Интернете. Но он для неё не средство развлечения, а лишь способ коммуникации, причём в одном из идеальных своих видов – набор медийной массы, то есть способ донести своё дело до людей и получить бонусы. «Есть люди, которые пользуются Интернетом себе во благо, а не во вред!» – сторона проблемы, которую я раскрою куском статьи об А5иКе.

Захожу в подвальное помещение кофейни и дислоцирую-

юсь в зале для курящих. Я не курю, разве что иногда, когда выпью, Юля курит. Правда, тут же вспоминаю, что уже пару недель, как она перешла на электронную сигарету. Ну да ладно, останусь здесь, зал попросторней. Мой столик в углу. Оглядываюсь. Меня окружают молодые люди, которые приходят в кофейни, чтобы посидеть с ноутбуком или демонстративно почитать книгу и аристократически покурить. Мне тут не нравится.

Ждать Мисс Геймер приходится минут десять. Она заходит и осматривается, протискивается между столиками.

– Это с тобой я встречаюсь? – спрашивает.

– Со мной, – говорю.

Она садится. У неё красные волосы, красные солнцезащитные очки. Она кладёт их в сумку и достаёт айпад в красном чехле. Включает его и, полуприсутствуя, начинает передвигать штучечки на экране. Я выкладываю на стол свой айфон.

– Фанаты Apple? – говорю.

– Да ну, ты что...

Оказывается, ей тоже подарили, как и мне. Я включаю диктофон, и начинается наш разговор.

– Ты человек, которому повезло, – начинаю я, – ты создала себе такую жизнь, в которой тебе не приходится сидеть в офисе и заниматься какой-нибудь ерундой. Ты делаешь любимое дело и зарабатываешь на этом деньги.

Она кивает головой и угукает.

– Ты знала, что так будет? Допустим, несколько лет назад...

– По поводу чего? По поводу Мисс Геймер, что ли? – удивляется она.

– Да нет, – говорю, – забудь пока про Мисс Геймер. Как у тебя получилось сделать так, что ничего, что тебе не нравится, ты не делаешь?

– Ну... У меня первая цель саморазвиваться. И заниматься только тем, что тебе нравится, – выделяя последнюю фразу, отвечает она. – Жизнь-то твоя, какой смысл делать то, что тебе не нравится? Ну даже если у тебя проблема в том, что это не приносит тебе денег? Но если ты умный человек, ты сделаешь так, чтобы приносило.

– Так когда ты начала так мыслить? – перебиваю её. – Когда поняла, что другого варианта развития событий не существует?

– Видишь ли, я никогда не загадывала, что со мной будет. Я просто делала то, что мне нравится. Как тараканов разводить, или ещё что-то делать, без разницы, если нравится, то человек это делает. Фишка была в том, что если ты начинаешь чем-то серьёзно заниматься, ты становишься профессионалом в этой отрасли. И когда ты выходишь на этот уровень, ты понимаешь, что там выживают только те люди, которые ещё и делают деньги на любимом занятии.

Подходит официантка и моя собеседница заказывает какую-то апельсиновую штуку. Я уже взял зелёный чай.

– Переломный момент случился тогда, – продолжает она, – когда мы играли в команде, приезжали в Москву, занимали третьи места по России. И вот наш спонсор развалился. И мы остались вообще без денег. Нам было тогда по 18-20 лет, своих средств у нас, разумеется, не было, тем более у всех свои проблемы, свои заморочки... Ну ходила я в администрацию, дали нам тридцать тысяч. Вкинули мы своих денег, съездили, плохо сыграли и вернулись. Было ясно, что если у нас не будет постоянного спонсора, то всё, что я делала, пойдёт коту под хвост... Так, разумеется, и получилось. И я поняла, что если ты не делаешь бабло на своем любимом занятии, то это уже не любимое дело, – улыбается она. – Потому что любимое дело должно тебе полностью доставлять удовольствие, а когда у тебя нет средств, чтобы поехать и там всех натянуть – это беда. Поэтому я пошла в другую сферу.

– А давление ты ощущаешь? Со стороны родителей, окружающих людей? Они говорят: хватит заниматься всякой ерундой?

– Давление? Ну, например, моей маме насрать на всё. Да, она постоянно твердит, что у меня ничего не получится. А когда получается или не получается, принимает любой результат. А люди... Когда я шпилила в Контер, люди постоянно мне твердили: ты что, через пять лет будешь этим Контером зарабатывать, что ли?

Я наливаю себе чай, половина жидкости, как это часто бы-

вает по неведомым законам физики, стремится не в кружку, а на стол.

– Да, дерьмовые чайники, – вставляет Юля и продолжает: – Потом, когда я начала танцевать, анимировать, вести вечеринки... эээ, скажем так – в развратных для них костюмах...

– Сиськи-письки, – помогаю.

– Да, ты что, постоянно сиськами-письками будешь зарабатывать? – возмущённо спрашивает она саму себя. – То есть за всё, что я ни берусь, они постоянно мне говорят: "да ты что, да ты что...". Конечно, это в основном происходит в Интернете. Но бывают и живую люди, которые думают: а давай-ка я запомнюсь тем, что не буду лизать ей задницу, а загноблю её в говно... Но в основном я сама на себя давлю. Это единственная моя мотивация. Чем больше я себя гноблю, тем больше надо делать. Хотя бывают времена, когда я сяду за комп на два месяца, и просто шпилю в игры... Бывает так, когда совсем нет мотивации. Просто хочется абстрагироваться от всего, сидеть играть, есть, играть, есть и спать, никуда не ходить и ни с кем не видеться. И ты копишь всю эту гадость, которая оседает в тебе за это время... И потом в один момент: о чёрт, про меня люди забыли! Мне никто ничего не пишет, не звонит, меня кинули! И тут за неделю ты шьёшь себе десять тысяч костюмов, набиваешь десять тысяч мероприятий, делаешь всё это, эта массовость на тебя находит и ты... – она изображает вздох облегчения, – опять на два месяца исчезаешь в никуда. Так вспышками у меня всё

происходит.

Спрашиваю, когда началась её медийность? Пять тысяч друзей, все эти сайты и аккаунты... Она рассказывает, как всё это копилось с тех времён, когда играла в Контер, а потом начались костюмы... Кидается из одной сферы в другую, так и появляется куча товарищей.

– Люди уже не знают, что про меня говорить. То ли я прогеймер-задрот какой-то мегаизвестный, толи недомодель фапабельная. Я сама не знаю, чем я занимаюсь.

Спрашиваю о планах покорения Москвы. Она вздыхает...

– Да вот в том-то и дело, что планов-то нет. Когда я съездила на Мисс Геймер, когда выиграла, начались разговоры о том, что надо переезжать в Москву, потому что сейчас у тебя огромный статус, который нужно дать захавать куче каналов, газет, всякой херне... Стать мегамедийным лицом в Москве, это же так клёво! Я так подумала... – она задумывается, подбирая слова, и выдыхает – ...и уехала в Красноярск. Мне удобней здесь. Я не гонюсь никогда за деньгами, а славу можно где угодно получить. Может быть, им в Москве легче пригласить девочку из Сибири, которая не будет слишком привередливой, чем раскручивать своих. Но... всё равно, победу-то я унесла! – и она театрально зловеще смеётся: «Ха-ха-ха».

Разговор уходит в сторону того, как она попала в клубную сферу, её зимней работы в прокате спортивного инвентаря, музыкальных увлечений... и тут она произносит фразу, ко-

торая ведёт на ту дорожку, ради которой всё и затевалось. Она говорит:

– Почему до меня не достаёт вайфай? Я очень недовольна, я человек Интернета.

Вот те слова, которые нужны мне. Я спрашиваю:

– Сколько времени ты там проводишь?

Юля на пару секунд задумывается.

– От десяти до двадцати часов, – говорит она.

Ничего себе! А когда же ты танцуешь свои сиськи-письки?

Прилипчивое же словосочетание, черт!

– Это ты полезными вещами занимаешься, или тоже хернёй страдаешь?

– Ну как... Сначала я захожу на все сайты, на которых я зарегана, в первую очередь на свой сайт. Всё проверю, посмотрю, отвечу на эти поганые вопросы... которые меня уже достали.

Говоря это, она так неосознанно искренна, как бывает искренен какой-нибудь работяга, который едет вечером после смены домой на маршрутке, приняв предварительно крепкой «Охоты» и от своей безмерной тоски и усталости заводит разговор с соседом по сидению, в котором выкладывает эту самую тоску. Даже не словами конкретными, а своим тоном, за которым скрываются десятки, сотни и тысячи одинаковых дней, складывающихся в целую жизнь. Все мы это чувствуем. И рабочие, и телезвёзды, и президенты. И девушки, побеждающие в конкурсах красоты.

– Но ты же сама всё это создаёшь, – говорю я.

После паузы она отвечает:

– Знаешь, я уже четыре года в Контакте, и это тяжело, – смеётся. – Первый год весело, второй туда-сюда, но четвёртый... Я уже не могу, когда вижу эти «привет, как дела?», у меня уже нервный тик. Каждый день мне приходят по 30, по 40 сообщений, и это я ещё на них не отвечаю. А если отвечаю, приходят ответы! И эта какая-то бесконечная тирада.

– А у тебя никогда не возникало желания забить на это всё, на неделю, на месяц?

– Ты знаешь, у меня не было таких мыслей. Я всегда считала, что это моя пиар-компания. Я не говорю, что меня съел Контакт. Я вообще очень благодарна за этот сайт, потому что, по сути, он дал развитие моей деятельности. Я не считаю, что это наркотик для меня... Да, это наркотик для школоты. Мало того, что были компьютерные игры, которые затягивали, теперь ещё и социальные сети... Они съедают эту школоту. Нет, это клёво, они обмениваются там каким-то опытом, взрослеют, учатся как-то общаться, даже если просто троллят друг друга. Кто знает, может быть, вырастет такое поколение, которое будет грамотно совмещать Интернет и реальную жизнь.

Я узнаю тон, которым она говорит эти слова. Этот тон для телевизора, для репортёра. Тон, которым депутат правящей партии говорит: «Что ж, я думаю, что президент сделает реальные шаги для победы над коррупцией и воплощения свет-

лого будущего нашей страны». Так звучат слова, сказанные ради формальности.

– Ты веришь в это? – спрашиваю я.

– Ну не знаю... Если кто-то задаст этому всему огромное, глобальное направление какое-то. У меня четырнадцатилетний брат постоянно сидит за компом, не выходит на улицу вообще! Это хорошо, что этот подростковый бешеный период проходит там, в компе. Потому что мне было очень плохо в 14 лет. Но я верю, что он как я сможет грамотно разграничивать компьютер и жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.